

## ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА В СВЯЗИ С СУДИМОСТЬЮ: ПРОБЛЕМЫ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ

**М.В. Пресняков**

*Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов, Россия*

### **Информация о статье**

Дата поступления –

24 мая 2024 г.

Дата принятия в печать –

20 июня 2025 г.

Дата онлайн-размещения –

20 сентября 2025 г.

### **Ключевые слова**

Пассивное избирательное право, судимость, ограничение, конституционно легитимные цели ограничений

Юридическая институционализация судимости как основания ограничения пассивных избирательных прав предполагает поиск баланса между необходимостью обеспечить адекватное народное волеизъявление при формировании публичной власти и задачей предотвращения криминализации власти.

В статье рассматриваются три способа юридической институционализации судимости как основания ограничения пассивных избирательных прав: категориальный, видовой и казуальный (индивидуальный).

Автор приходит к выводу о том, что как категориальный, так и видовой подходы к определению составов преступлений, совершение которых является основанием для ограничения пассивных избирательных прав, объективно недостаточны и должны быть дополнены казуальным способом, который предполагает выделение конкретных статей Уголовного кодекса РФ, закрепляющих ответственность за конкретные противоправные деяния.

В работе выделены четыре конституционно легитимные цели ограничения пассивных избирательных прав в связи с наличием судимости и предпринята попытка (иллюстративная) выделения конкретных составов преступления, которые должны влечь указанное ограничение.

## RESTRICTIONS ON PASSIVE SUFFRAGE DUE TO CONVICTIONS: CONSTITUTIONAL LEGITIMACY ISSUES

**Mikhail V. Presnyakov**

*Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Saratov, Russia*

### **Article info**

Received –

2024 May 24

Accepted –

2025 June 20

Available online –

2025 September 20

### **Keywords**

Passive suffrage, criminal record, restriction, constitutionally legitimate goals of restrictions

Introduction. Considering the criminal record of a person as an acceptable restriction of passive electoral rights, two interrelated aspects must be taken into account: on the one hand, it is necessary to ensure the rights of the people directly, the citizens of the country decide whether a person is worthy to be his representative in power. On the other hand, of course, the current legislation should contain certain mechanisms for protecting law and order, which make it possible to cut off criminals from the authorities.

Purpose. In this regard, it is important to consider how to institutionalize convictions for individual crimes as a basis for restricting passive suffrage. The purpose of this article is to analyze the teleological conditionality of restricting passive voting rights depending on the presence of a criminal record for various types of crimes.

Methodology. The following methods were used: formal logic method, analysis, synthesis. Results. To date, Russian electoral legislation uses three different such methods: categorical, species and casual or individual.

The first provides for the restriction of the passive suffrage of persons convicted of crimes that belong to the category of grave and especially grave crimes. This approach proceeds only from the gravity of the crime and does not take into account the nature of the act committed, including the object of the encroachment, the specifics of the subjective side (motive of the crime), etc.

It is for this reason that the legislator uses a specific method of legal institutionalization of crimes, the conviction of which entails the restriction of passive electoral rights of citizens.

To date, the current legislation identifies only one type of crime, the conviction of which is the basis for restricting passive suffrage – extremist crimes.

In 2020, the legislator used this approach, supplementing pt. 3.2 of the Art. 4 of the Law on Basic Guarantees of Electoral Rights, paragraph 1), which provides for a very wide list of specific offenses that should be the basis for restricting passive suffrage.

At the same time, it is far from always clear what the legislator was guided by when establishing a criminal record for a particular crime as a basis for restricting passive suffrage. For example, why the murder of a newborn child by a mother (Art. 106 of the Criminal Code of the Russian Federation) is such a basis, and murder in a state of affect – Art. 107 (in the absence of qualifying signs) – no.

The solution to this issue should be based on a thorough revision of the corpus delicti provided for by the Criminal Code of the Russian Federation, from the point of view of not only the severity, but also the nature of the act committed. Moreover, the commission of this act should be related to the constitutionally significant goals of restricting passive electoral rights. Conclusion. The author identifies four constitutionally legitimate goals of restricting passive voting rights due to a criminal record.

Firstly, the inadmissibility of the criminalization of the power apparatus is a criminal qualification.

Secondly, the legitimate goal of restricting passive voting rights is to prevent persons involved in extremist activities from entering the government apparatus – the anti-extremist qualification.

Thirdly, an important goal of restricting passive electoral rights in connection with the presence of a criminal record is the prevention of corruption with the system of public authority – the anti-corruption qualification.

Finally (fourthly), one can single out another constitutionally justified goal of restricting passive voting rights in connection with the presence of a criminal record for certain types of crimes – the prevention of possible abuse of power (“qualification of non-abuse of power”).

### **1. Введение. Судимость как основание ограничения пассивных избирательных прав: проблемы правовой демократии**

На сегодняшний день судимость является юридическим основанием для ограничения различного рода прав и свобод, прежде всего связанных с доступом к государственной власти, осуществлением отдельных видов профессиональной деятельности и др.

Так, на государственной гражданской или муниципальной службе не может состоять лицо, имеющее неснятую или непогашенную судимость, а на государственной службе в правоохранительных органах (Министерство внутренних дел, органы уголовно-исполнительной системы и т. п.) ограничением, препятствующим поступлению на службу и ее прохождению, является наличие даже снятой или погашенной судимости.

Между тем избирательное законодательство не рассматривает судимость как таковую, т. е. за любое преступление в качестве обстоятельства, ограничивающего пассивное избирательное право граждан. Ограничение права избираться и быть избран-

ным влечет только судимость за определенные категории и виды преступлений. В связи с этим возникает вопрос: почему же при наличии судимости гражданин не может служить мелким чиновником в системе государственной службы, но может быть избран на ключевые должности в органах государственной власти? Так, некоторые авторы полагают, что «лица, представляющие народ, то есть представители народа... должны быть наиболее порядочными, с безупречной репутацией» [1, с. 16].

Как представляется, подобное положение дел является необходимым атрибутом народной демократии – предоставление непосредственно народу, гражданам страны права решать, достоин ли человек быть его представителем во власти. Как отметил Конституционный Суд РФ в Постановлении от 10 октября 2013 г. № 20-П, такой подход исходит из «тезиса о народе как суверене, который волен сам выбрать любого кандидата, независимо от его качеств, как бы отпуская ему все прошлые грехи (*vox populi vox Dei*)»<sup>1</sup>.

Однако, по мнению суда, подобное понимание воли народа противоречит принципам *правовой де-*

<sup>1</sup> Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

мократии, которая предполагает, что даже народное волеизъявление должно быть связано правом и конституцией.

В доктрине по этому поводу нередко высказываются полярные точки зрения. Например, очень жестко о судимости как основании ограничения избирательных прав высказался известный ученый-конституционалист, судья Конституционного Суда РФ в отставке Н.В. Витрук. Николай Васильевич в своем особом мнении (тогда они еще публиковались) к Постановлению Конституционного Суда РФ от 19 марта 2003 г. № 3-П отметил: «Судимость как явление “объективного” и “субъективного” уголовного права, заменившее “неблагонадежность” времен царизма и “контрреволюционность” времен красного террора и гражданской войны, аморальна (безнравственна), противоречит принципам права, справедливости и гуманизма и представляет собой рудимент прошлого, тоталитарного режима»<sup>2</sup>.

Известный российский ученый, специалист, в том числе, в области конституционного права В.В. Лапаева отмечает, что «введение федеральным законодателем запретов на осуществление пассивного избирательного права граждан, расширяющих перечень запретов, содержащийся в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ, является неконституционным» [2].

Однако есть и другая точка зрения (которую разделяет и Конституционный Суд РФ), что «часть 3 ст. 55 Конституции РФ закрепляет общие условия (принципы) ограничения всех прав и свобод личности» и, соответственно, позволяет на основе закона ограничивать, в том числе, и избирательные права [3, с. 212]. Следует, однако, согласиться, что хотя «формально законодатель может ограничить избирательное право в любом объеме, но в результате происходит выхолащивание его содержания» [4, с. 45].

Другие авторы, напротив, считают, что указанные ограничения «закрыли дорогу в органы публичной власти криминальным структурам и, безусловно, были восприняты обществом с пониманием» [5, с. 349]. Некоторые ученые даже полагают «правильным утвердить общее ограничение пассивного избирательного права – наличие неснятой и непогашенной судимости» [6, с. 63]. Отдельные авторы даже ратуют за то, что «применительно к отдельным

видам тяжких или особо тяжких преступлений законодатель должен предусмотреть пожизненный запрет на реализацию пассивного избирательного права» [7, с. 22].

Истина, как всегда, находится между этими крайними точками зрения. В этом вопросе следует согласиться с мнением И.А. Стародубцевой, что «ограничение конституционных прав личности в связи с судимостью требует всестороннего исследования с точки зрения соответствия Конституции РФ, с позиции формирования правового, а не карательного государства в России» [8, с. 28].

## **2. Способы законодательной институционализации судимости за отдельные преступления в качестве основания для ограничения пассивного избирательного права**

Если мы исходим из изначального тезиса о том, что не все, а только некоторые преступные деяния могут влечь за собой ограничения пассивных избирательных прав, то прежде всего встает вопрос о способах выделения таких составов преступления. Как нам представляется, Федеральный закон от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Закон об основных гарантиях избирательных прав)<sup>3</sup> использует три различных таких способа: категориальный, видовой и казуальный, или индивидуальный.

Категориальный и видовой способы «исторически первые» в российском избирательном законодательстве: они были введены в Закон об основных гарантиях избирательных прав Федеральным законом от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ<sup>4</sup>.

## **3. Категориальный способ институционализации ограничений пассивного избирательного права в связи с наличием судимости**

Указанным законом предусматривалось ограничение пассивного избирательного права лиц, осужденных за совершение преступлений, которые относятся к категории тяжких и особо тяжких. Также была выделена «видовая» группа преступлений – экстремистской направленности, совершение которых влечет за собой невозможность избираться в случае наличия неснятой или непогашенной судимости за такие преступления.

<sup>2</sup> Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 3.

<sup>3</sup> Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 24. Ст. 2253.

<sup>4</sup> Федеральный закон от 5 декабря 2006 г. № 225-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных

гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 50. Ст. 5303.

Первый аргумент против подобного подхода был отмечен еще в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П, усмотревшем неконституционность соответствующих ограничений не только в том, что они не носят временного характера, но и в недостаточно дифференцированном характере. В российском уголовном законодательстве большая часть составов является тяжкими или особо тяжкими преступлениями – очень широки вилки наказаний. Это правильно и необходимо для реализации принципа справедливости, учета всех обстоятельств совершенного деяния (другое дело, что подобное положение дел создает и возможность произвола, но это уже проблематика науки уголовного права). В этой связи в упомянутом выше постановлении Конституционный Суд РФ указал, что конституционный принцип соразмерности ограничений конституционных прав должен учитывать не только категории преступлений в зависимости от их тяжести, но и индивидуализацию назначаемого судом наказания, т. е. реально назначенную лицу меру ответственности. К сожалению, это «пожелание» Конституционного Суда РФ не было услышано законодателем, который по итогам этого решения только ввел временные ограничения пассивного избирательного права лиц, осужденных за тяжкие и особо тяжкие преступления [9, с. 718].

Второй аргумент связан с тем, что такой подход исходит только из тяжести преступления и не учитывает характер совершенного деяния, в том числе объект посягательства, специфику субъективной стороны (мотив преступления) и т. п. Например, И.А. Стародубцева отмечает, что даже не к тяжким, а особо тяжким преступлениям относится хищение предметов или документов, имеющих особую историческую, научную, художественную или культурную ценность (за его совершение предусматривается наказание в виде лишения свободы до 15 лет!). Далее Инна Алексеевна задается риторическим вопросом: «Является ли общественная опасность лиц, совершивших указанное преступление, настолько высокой, чтобы ограничивать их пассивное избирательное право на максимальный срок до 23 лет?» [8, с. 29].

От себя добавим, что вопрос здесь даже не в общественной опасности такого деяния (мы полагаем, что она в зависимости от конкретных обстоятельств может быть очень высока), а в характере совершенного деяния. Например, преступление, предусмотренное ст. 282 Уголовного кодекса (далее – УК) РФ «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства», «не

дотягивает» до тяжкого, однако его совершение, как нам представляется, может выступать в качестве конституционно легитимного основания ограничения пассивного избирательного права исходя из характера данного деяния.

Именно в силу этих причин мы склонны разграничивать категориальный и видовой способы юридической институционализации преступлений, судимость за которые влечет ограничение пассивных избирательных прав граждан.

#### **4. Видовой способ институционализации ограничений пассивного избирательного права в связи с наличием судимости**

Действующее законодательство выделяет только один вид преступлений, осуждение за которые является основанием ограничения пассивного избирательного права, – преступления экстремистской направленности [10].

В данном случае вопросы вызывает сам термин «преступления экстремистской направленности» и то, какие составы преступлений можно отнести к этому виду. Как отмечают А.А. Кондрашев и Н.А. Сидорова, «законодатель использовал для обозначения совершенных преступлений формулировку, не соответствующую требованиям уголовного законодательства, ведь Особенная часть УК РФ не предусматривает даже наличия отдельной главы» [11, с. 67].

Ранее в ч. 1 ст. 282.1 УК РФ содержался исчерпывающий перечень преступлений, которые были отнесены законодателем к преступлениям экстремистской направленности. При этом дополнительно указывалось, что эти преступления должны быть совершены по мотиву расовой, национальной, религиозной и т. п. вражды или ненависти. Это уточнение было не лишним: например, вандализм (ст. 214 УК РФ), совершенный из хулиганских побуждений, очевидно не образует состав именно экстремистского преступления, а осквернение зданий по мотивам национальной вражды следует отнести к преступлениям экстремистского характера.

Проблема здесь заключалась в неполном перечне составов преступлений, которые по сути подпадают под признаки экстремистской деятельности, поэтому Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 211-ФЗ было введено примеч. 2 к данной статье, которым предписывается понимать под преступлением экстремистской направленности любое преступление, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо со-

циальной группы. Причем этот мотив относится не только к квалифицирующим признакам, прямо названным в статье Особенной части УК РФ, но и к отягчающим обстоятельствам любого преступления.

Такая легальная дефиниция указанного вида преступлений представляется не слишком удачной. Во-первых, как справедливо отмечается в доктрине уголовного права, перечень преступлений экстремистской направленности носит открытый характер: в него могут включаться абсолютно любые деяния, предусмотренные Особенной частью УК РФ, при условии, что они совершены по мотивам расовой, религиозной и т. п. ненависти или вражды [12].

Во-вторых, подобное понимание не совпадает с понятием экстремистской деятельности, которое содержится в Федеральном законе от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». Последнее носит гораздо более широкий характер: например, к экстремистской деятельности прямо отнесены нарушение территориальной целостности и призывы к нарушению территориальной целостности Российской Федерации. Между тем данное преступление может совершаться и при отсутствии названного выше мотива. Собственно, даже финансирование экстремистской деятельности может преследовать исключительно корыстные цели.

Наконец, в-третьих, по нашему мнению, при ограничении избирательных прав по данному основанию необходимо учитывать и тяжесть соответствующего преступления. В конечном итоге, побои, даже по мотивам расовой, национальной и др. ненависти (обычная драка), вряд ли заслуживают лишения права избираться сроком на пять лет.

Интересно, что в доктрине уголовного права в связи с этим предлагается выделять преступления экстремистской направленности в широком и узком понимании этого термина. Примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ очевидно исходит из максимально широкой трактовки преступлений экстремистской направленности, которая может приводить к нарушению конституционного принципа правовой определенности. В узком же смысле некоторыми авторами предлагается считать «экстремистскими» составы преступлений, предусмотренных ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК РФ [13].

В связи со сказанным выше напрашивается вывод о том, что как категориальный, так и видовой подход к определению составов преступлений, совершение которых является основанием для ограничения пассивных избирательных прав, недоста-

точны: в первом случае не учитывается характер совершенного преступления, во втором нормы закона приобретают «каучуковый» характер и лишаются правовой определенности.

Очевидно, что данные подходы должны быть дополнены казуальным (индивидуальным) способом определения таких составов преступления, который предполагает выделение конкретных статей УК РФ, закрепляющих ответственность за конкретные противоправные деяния. И законодатель использовал такой подход, Федеральным законом от 23 мая 2020 г. № 153-ФЗ дополнив ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав п. «б.1».

#### **5. Казуальный способ институционализации ограничений пассивного избирательного права в связи с наличием судимости**

В названном выше пункте законодатель предусмотрел очень широкий перечень конкретных составов преступления, которые должны являться основанием ограничения пассивного избирательного права. Данный перечень носит субсидиарный характер по отношению к тяжким и особо тяжким преступлениям, правовые последствия которых в избирательном законодательстве по-прежнему закрепляются п. «а», «а.1» и «а.2» ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав. Как отмечается в специальной литературе, «в основу данной нормы с учетом относительно меньшей общественной опасности преступлений средней тяжести заложен еще более дифференцированный подход, чем в отношении тяжких и особо тяжких преступлений» [14, с. 11].

Казуальный подход к институционализации оснований ограничения избирательных прав в связи с наличием судимости обладает своими недостатками. Например, ст. 280.4 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за публичные призывы к осуществлению деятельности, направленной против безопасности государства. В соответствии с общим подходом законодателя было бы логично ожидать, что судимость за данное деяние будет являться основанием ограничения пассивного избирательного права лица. Однако в перечне, предусмотренном п. «б.1» ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав, его нет. Почему? Да потому, что данная статья была введена в УК РФ только в июле 2022 г., тогда как список указанных ограничений был сформирован в названном законе в 2020 г. (изменения вносились в марте 2022 г.).

Вызывает сомнения, что законодатель будет каждый раз править этот перечень при внесении изменений в уголовный закон хотя бы уже потому, что

такими законопроектами занимаются разные ответственные комитеты.

Однако, следует ли отказываться от казуальных формулировок ограничений пассивных избирательных прав в связи с совершением определенных преступных деяний (как и административных правонарушений, где возникает та же проблема)?

С.М. Евтушенко, анализируя отсылочный и бланкетный способы формулировки деяний, влекущих ограничение избирательного права (первый содержит отсылку к конкретной норме УК РФ, второй – к нормативному акту в целом или сфере правового регулирования), приходит к выводу, что при всех своих недостатках отсылочный метод более предпочтителен [15]. Бланкетный способ «делает эти нормы “резиновыми” и позволяет использовать их по произвольному усмотрению правоохранительных органов» [16, с. 50].

Другое дело, что далеко не всегда понятно, чем руководствовался законодатель, устанавливая судимость за то или иное преступление в качестве основания ограничения пассивного избирательного права. Например, почему убийство матерью новорожденного ребенка (ст. 106 УК РФ) является таким основанием, а убийство в состоянии аффекта – ст. 107 (при отсутствии квалифицирующих признаков) – нет? Почему в данном перечне отсутствует такой состав, как злоупотребление полномочиями?

Судимость за незаконное приобретение или продажу животных, включенных в Красную книгу Российской Федерации, будет являться основанием для ограничения пассивного избирательного права (ст. 258.1), а воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов (ст. 144) – нет.

Решение этого вопроса должно строиться на основе тщательной ревизии составов преступления, предусмотренных УК РФ, с точки зрения не только тяжести, но и характера совершенного деяния. При этом совершение данного деяния должно соотноситься к конституционно значимым целям ограничения пассивных избирательных прав. Только так можно будет составить адекватный перечень преступлений, судимость за которые влечет ограничение пассивных избирательных прав.

#### **6. Конституционно легитимные цели ограничения пассивного избирательного права в связи с наличием судимости**

Е.И. Бычкова предлагает рассматривать ограничения пассивных избирательных прав в связи с наличием судимости в качестве «профилактической меры совершения такими лицами на избираемых

должностях многочисленных преступлений, нарушающих нормальный процесс формирования органов власти, коррупционных, экономических и иных» [17, с. 206]. С этой точки зрения принципиально значимо соотношение характера конкретного уголовно наказуемого деяния с целью ограничения избирательных прав.

В доктрине в качестве цели законодательного закрепления ограничения пассивного избирательного права в связи с судимостью за совершение определенных преступлений называется недопустимость криминализации властного аппарата – криминальный ценз [18]. Данная цель представляется легитимной и конституционно значимой: как показывает В.В. Красинский, подобные ограничения избирательных прав практикуются в ряде зарубежных государств и, как правило, признаются обоснованными Европейским Судом по правам человека.

В этой связи удивляет невнимание законодателя к гл. 22 УК РФ, которая предусматривает ответственность за преступления в сфере экономической деятельности. Между тем именно составы, содержащиеся в данной главе, характерны для профессионального криминалитета: незаконное предпринимательство, незаконная организация азартных игр, незаконное производство и (или) оборот этилового спирта и др.

Вместе с тем это не единственная цель введения подобных ограничений. Более того, законодательная политика последних лет позволяет утверждать, что это не основная цель ограничений избирательных прав. Если проанализировать составы преступлений, осуждение за которые влечет ограничение пассивных прав, становится очевидным, что значительная (если не большая) часть из них направлена на предотвращение проникновения в аппарат власти лиц, причастных к экстремистской деятельности. В частности, совершение преступлений средней или даже небольшой тяжести, связанных с осуществлением экстремистской деятельности, влечет невозможность избираться в течение пяти лет после погашения судимости – антиэкстремистский ценз.

Как представляется, можно выделить еще по крайней мере две легитимные цели ограничения пассивных избирательных прав, которые не охвачены или которым уделяется недостаточное внимание со стороны законодателя.

Во-первых, это антикоррупционный ценз. Следует согласиться с Т.И. Арутюнян, что «применительно к избирательному процессу, говоря об антикоррупционном цензе пассивного избирательного права,

уместно относить антикоррупционный ценз к числу избирательных цензов наравне с цензом оседлости, гражданства, возрастным и другими» [19, с. 224].

Как нам представляется, такой антикоррупционный ценз может включать в себя и ограничения пассивных избирательных прав в связи с судимостью за совершение преступлений коррупционного характера. Между тем на сегодняшний день п. «б.1» ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав, перечисляющий конкретные составы преступлений, совершение которых влечет ограничение избирательных прав, не называет ни получение взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), ни служебный подлог (ст. 290 УК РФ), ни превышение должностных полномочий (ст. 286 УК РФ) или злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и т. п.

Кроме того, как представляется, можно выделить еще одну конституционно оправданную цель ограничения пассивных избирательных прав в связи с наличием судимости за определенные виды преступлений – предотвращение возможного превышения властных полномочий («ценз незлоупотребления властью»).

Так, в гл. 19 УК РФ «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» содержатся составы деяний, посягающих на конституционные права, которые, как правило, связаны со злоупотреблением властью, например нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138) и др. – даже при наличии квалифицирующего признака использования лицом своего служебного положения данные преступления не относятся к тяжким. Нет их и в перечне п. «б.1» ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав.

Немало таких преступлений содержится и в гл. 31 УК РФ «Преступления против правосудия»: воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования (ст. 294), незаконные задержание, заключение под стражу или содержание под стражей (ст. 301) и др. Между тем указанные деяния также не выделяются Законом об основных гарантиях избирательных прав в качестве оснований для ограничения пассивного избирательного права.

Как нам представляется, воспрепятствование проведению собрания, митинга и т. п. (ст. 149) ничуть не менее убедительная причина для ограничения пассивного избирательного права, чем неоднократное нарушение установленного порядка органи-

зации либо проведения собрания, митинга и т. п. (ст. 212.1). Между тем последнее влечет за собой запрет избираться в течение пяти лет, а первое – нет.

### **7. Заключение: краткие выводы**

Подводя определенный итог сказанному выше, заметим, что, рассматривая судимость лица как допустимое ограничение пассивных избирательных прав, необходимо принимать во внимание два взаимосвязанных аспекта: с одной стороны, необходимо обеспечить право непосредственно народу, гражданам страны решать, достоин ли человек быть его представителем во власти. С другой – безусловно, действующее законодательство должно содержать определенные механизмы защиты правопорядка, позволяющие отсекаать криминалитет от власти.

Специфика отношений в этой сфере такова, что категориальный и видовой способы концептуализации ограничений пассивных избирательных прав в связи с наличием судимости оказываются не в состоянии обеспечить реализацию данных целей и должны быть дополнены казуальным (индивидуальным) подходом.

Подобный подход на сегодняшний день очень эклектично представлен в п. «б.1» ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав без соотнесения с целями ограничений пассивного избирательного права в связи с наличием судимости.

В работе сделан вывод, что необходима радикальная масштабная ревизия конкретных составов, предусмотренных Особенной частью УК РФ, на предмет выделения тех из них, которые должны влечь ограничения пассивных избирательных прав.

Во-первых, недопустимость криминализации властного аппарата – криминальный ценз. Для реализации этой цели необходимо выделить те составы уголовных преступлений, которые характерны для профессионального криминалитета. Многие из таких составов содержатся в гл. 22 УК РФ, которая предусматривает ответственность за преступления в сфере экономической деятельности: незаконное предпринимательство, незаконная организация азартных игр, незаконное производство и (или) оборот этилового спирта и др.

Во-вторых, важной целью ограничения пассивных избирательных прав в связи с наличием судимости представляется предотвращение коррупции в системе публичной власти – антикоррупционный ценз. В этой связи в п. «б.1» ч. 3.2 ст. 4 Закона об основных гарантиях избирательных прав следует внести такие составы, как получение взятки (ч. 1 ст. 290 УК РФ), служебный подлог (ст. 290 УК РФ), превыше-

ние должностных полномочий (ст. 286 УК РФ), злоупотребление должностными полномочиями (ст. 285 УК РФ) и т. п.

Наконец, в-третьих, можно выделить еще одну конституционно оправданную цель ограничения пассивных избирательных прав в связи с наличием судимости за определенные виды преступлений –

предотвращение возможного превышения властных полномочий («ценз незлоупотребления властью»). Например, к таким преступлениям относятся нарушение неприкосновенности частной жизни (ст. 137 УК РФ), нарушение тайны переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных или иных сообщений (ст. 138 УК РФ) и др.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Шапиев С. М. Ограничения избирательных прав граждан с криминальным прошлым / С. М. Шапиев, М. В. Мерзликина // Избирательное право. – 2014. – № 2 (26). – С. 11–18.
2. Лапаева В. В. Пассивное избирательное право гражданина в Конституции РФ: основания и пределы ограничения / В. В. Лапаева // Электоральная политика. – 2019. – № 2. – Ст. 2. – URL: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/passivnoe-izbiratelnoe-pravo-grazhdanina-v-konstitutsii-rf-osnovaniia-i-predely-ogranicheniia/>.
3. Подмарев А. А. Конституционное регулирование ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации / А. А. Подмарев // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19, вып. 2. – С. 210–215. – DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-2-210-215.
4. Какителашвили М. М. Мониторинг избирательного законодательства: тенденция к ограничению избирательных прав граждан / М. М. Какителашвили // Мониторинг правоприменения. – 2019. – № 2 (31). – С. 41–45.
5. Кузнецова О. В. Принцип всеобщности и разумность ограничения пассивного избирательного права / О. В. Кузнецова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2020. – Т. 20, вып. 3. – С. 346–353.
6. Акчурин А. Р. Ограничение пассивного избирательного права осужденных как механизм противодействия коррупции в избирательном процессе / А. Р. Акчурин // Конституционное и муниципальное право. – 2016. – № 5. – С. 62–64.
7. Захарова С. С. Ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации как последствия привлечения к уголовной ответственности / С. С. Захарова, С. А. Корнеев, Е. В. Назаркин // Выборы: теория и практика. – 2019. – № 3 (51). – С. 17–23.
8. Стародубцева И. А. Ограничение конституционных прав граждан в период непогашенной и неснятой судимости: требуется проверка законодательства на соответствие Конституции Российской Федерации / И. А. Стародубцева // Омбудсмен. – 2012. – № 1. – С. 26–30.
9. Черепанов В. А. О криминологических вопросах ограничения пассивного избирательного права в противодействии коррупции / В. А. Черепанов // Всероссийский криминологический журнал. – 2018. – Т. 12, № 5. – С. 711–721. – DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).711-721.
10. Рубан А. Д. Противодействие экстремизму посредством ограничения всеобщего избирательного права / А. Д. Рубан // Правоохранительная деятельность органов внутренних дел в контексте современных научных исследований : материалы регион. науч.-практ. конф. / сост.: А. А. Сарсенова, Э. Х. Мамедов. – СПб. : С.-Петерб. ун-т МВД России, 2020. – С. 186–189.
11. Кондрашев А. А. Избирательные цензы и ограничения пассивного избирательного права на выборах в России / А. А. Кондрашев, Н. А. Сидорова // Правоприменение. – 2022. – Т. 6, № 4. – С. 59–74. – DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).59-74.
12. Петрянин А. В. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: уголовно-правовой и криминологический аспекты : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А. В. Петрянин. – М., 2014. – 49 с.
13. Харламова А. А. Преступления экстремистской направленности: общая характеристика и некоторые особенности / А. А. Харламова, И. С. Макеева // Российский следователь. – 2022. – № 1. – С. 55–59.
14. Рокитянский С. Г. Становление ограничения избирательных прав в связи с совершением преступлений различной степени тяжести в российском законодательстве / С. Г. Рокитянский // Избирательное законодательство и практика. – 2020. – № 4. – С. 8–11.



15. Евтушенко С. М. Ограничение пассивного избирательного права в связи с совершением преступлений и правонарушений экстремистской направленности / С. М. Евтушенко // Современное право. – 2023. – № 7. – С. 56–60. – DOI: 10.25799/NI.2023.44.87.009.
16. Порошин Е. Н. Пассивное избирательное право в современной России: теория и реальность / Е. Н. Порошин // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 3. – С. 46–54.
17. Бычкова Е. И. К вопросу ограничения избирательных прав граждан Российской Федерации в связи с наличием судимости / Е. И. Бычкова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2015. – № 1 (7). – С. 204–206.
18. Красинский В. В. О правовых позициях Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации по вопросам ограничения избирательных прав в связи с наличием судимости / В. В. Красинский // Современное право. – 2014. – № 2. – С. 34–41.
19. Арутюнян Т. И. Некоторые концептуальные и правовые основы институционализации антикоррупционного ценза пассивного избирательного права: к постановке проблемы / Т. И. Арутюнян // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 6 (133). – С. 221–224.

## REFERENCES

1. Shapiev S.M., Merzlikina M.V. Restrictions on the electoral rights of citizens with a criminal past. *Izbitatel'noe pravo*, 2014, no. 2 (26), pp. 11–18. (In Russ.).
2. Lapaeva V.V. Passive Suffrage as Described in the Constitution of Russia: Its Basis and Restriction Range. *Elektoral'naya politika = Electoral Politics*, 2019, no. 2, art. 2, available at: <https://electoralpolitics.org/ru/articles/passivnoe-izbitatelnoe-pravo-grazhdanina-v-konstitutsii-rf-osnovaniia-i-predely-ogranicheniia/>. (In Russ.).
3. Podmarev A.A. Constitutional Regulation of Restriction of Electoral Rights of Citizens of the Russian Federation. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2019, vol. 19, iss. 2, pp. 210–215. DOI: 10.18500/1994-2540-2019-19-2-210-215. (In Russ.).
4. Kakitelashvili M. Monitoring election laws: a trend for restricting the electoral rights of citizens. *Monitoring pravoprimeneniya = Monitoring of law enforcement*, 2019, no. 2 (31), pp. 41–45. (In Russ.).
5. Kuznetsova O.V. The Principle of Universality and the Reasonableness of Limiting Passive Suffrage. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravlenie. Pravo = Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2020, vol. 20, iss. 3, pp. 346–353. (In Russ.).
6. Akchurin A.R. Limitation of passive electoral right of convicted persons as a mechanism of anti-corruption in the electoral process. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2016, no. 5, pp. 62–64. (In Russ.).
7. Zakharova S.S., Korneev S.A., Nazarkin E.V. Restrictions of electoral rights of citizens of the Russian Federation as a consequence of criminal prosecution. *Vybory: teoriya i praktika*, 2019, no. 3 (51), pp. 17–23. (In Russ.).
8. Starodubtseva I.A. Restriction of the constitutional rights of citizens during the period of outstanding and unexpunged convictions: verification of legislation for compliance with the Constitution of the Russian Federation is required. *Ombudsmen*, 2012, no. 1, pp. 26–30. (In Russ.).
9. Cherepanov V.A. On criminological aspects of restricting the right to be elected in counteracting corruption. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 5, pp. 711–721. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(5).711-721. (In Russ.).
10. Ruban A.D. Countering extremism by limiting universal suffrage, in: Sarsenova A.A., Mamedov E.Kh. (comps.). *Pravookhranitel'naya deyatel'nost' organov vnutrennikh del v kontekste sovremennykh nauchnykh issledovaniy*, Proceedings of the regional scientific and practical conference, St. Petersburg, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2020, pp. 186–189. (In Russ.).
11. Kondrashev A.A., Sidorova N.A. Electoral qualifications and restrictions on passive suffrage in elections in Russia. *Pravoprimeneniye = Law Enforcement Review*, 2022, vol. 6, no. 4, pp. 59–74. DOI: 10.52468/2542-1514.2022.6(4).59-74.
12. Petryanin A.V. *Countering extremist crimes: criminal law and criminological aspects*, Doct. Diss. Thesis. Moscow, 2014. 49 p. (In Russ.).

13. Kharlamova A.A., Makeeva I.S. Extremist crimes: the general characteristics and some peculiarities. *Rossiiskii sledovatel' = Russian investigator*, 2022, no. 1, pp. 55–59. (In Russ.).

14. Rokityanskiy S.G. The establishment of the electoral right restriction in view of committing of crimes of varying severity in Russian laws. *Izbitatel'noe zakonodatel'stvo i praktika = Electoral legislation and practice*, 2020, no. 4, pp. 8–11. (In Russ.).

15. Evtushenko S.M. Limitation of Passive Suffrage in Connection with the Commission of Extremist Crimes and Offenses. *Sovremennoe pravo*, 2023, no. 7, pp. 56–60. DOI: 10.25799/NI.2023.44.87.009. (In Russ.).

16. Poroshin E.N. The right to be elected in modern Russia: the theory and reality. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo = Constitutional and municipal law*, 2020, no. 3, pp. 46–54. (In Russ.).

17. Bychkova E.I. The restriction of the electoral rights of citizens of the Russian Federation in connection with a criminal record. *Rassledovanie prestuplenii: problemy i puti ikh resheniya = Criminal investigation: problems and ways of their solution*, 2015, no. 1 (7), pp. 204–206. (In Russ.).

18. Krasinskij V.V. About legal positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation in questions of the restriction of the electoral rights with reason of criminal record. *Sovremennoe pravo*, 2014, no. 2, pp. 34–41. (In Russ.).

19. Arutyunyan T.I. Some conceptual and legal foundations of the institutionalization of the anti-corruption qualification of passive suffrage: to the formulation of the problem. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal = Eurasian law journal*, 2019, no. 6 (133), pp. 221–224. (In Russ.).

#### ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

**Пресняков Михаил Вячеславович** – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры служебного и трудового права

Поволжский институт управления имени П.А. Столыпина – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации  
410031, Россия, г. Саратов, ул. Соборная, 25/1  
E-mail: m.v.presnyakov@yandex.ru  
SPIN-код РИНЦ: 8148-0256; AuthorID: 414626

#### INFORMATION ABOUT AUTHOR

**Mikhail V. Presnyakov** – Doctor of Law, Associate Professor; Professor, Department of Service and Labor Law  
Volga Region Institute of Management named after P.A. Stolypin – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration  
25/1, Sobornaya ul., Saratov, 410031, Russia  
E-mail: m.v.presnyakov@yandex.ru  
RSCI SPIN-code: 8148-0256; AuthorID: 414626

#### БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Пресняков М.В. Ограничения пассивного избирательного права в связи с судимостью: проблемы конституционной легитимности / М.В. Пресняков // Правоприменение. – 2025. – Т. 9, № 3. – С. 54–63. – DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).54-63.

#### BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Presnyakov M.V. Restrictions on passive suffrage due to convictions: constitutional legitimacy issues. *Pravoprimenenie = Law Enforcement Review*, 2025, vol. 9, no. 3, pp. 54–63. DOI: 10.52468/2542-1514.2025.9(3).54-63. (In Russ.).